

ПРОНИКНОВЕНИЕ БУДДИЗМА В ЯПОНИЮ

ВЛ. ШОХИН

БУДДИЗМ — одна из наиболее распространенных в мире религий наряду с христианством и исламом. На различных этапах своей истории буддизм, видоизменяя форму, всегда оставался по сути идеологическим орудием воздействия господствующих классов стран Южной, Центральной и Восточной Азии на духовную жизнь угнетенных масс. Антижреческая направленность буддизма, характерная для него проповедь равенства всех людей обеспечила этой религии широкий успех. Массовое распространение буддийских идей покорности, пассивности и примирения с действительностью сыграло роль надежного тормоза действительных, активных проявлений социального протеста.

Нельзя переоценить влияние буддизма на культуру, искусство, философию Японии: так же как значение конфуцианства в культурной жизни и государственном строе Китая, ислама — в странах Ближнего Востока и христианства — в Европе. И действительно, такие явления, одни названия которых создают впечатление чего-то сугубо японского, как чайная церемония, икэбана, поэтический жанр хокку, стиль юген в живописи, кодекс самураев, прямо или косвенно связаны с самим буддизмом, или возникли под влиянием его мировоззрения. Но значительная страница в истории Японии — это и упорнейшая борьба буддизма за политическое влияние в стране, и кровавые войны тендайских монахов, и движение реформаторских сект.

Установление точной даты первой буддийской волны, дошедшей до японских берегов через Восточно-Китайское море и Корейский пролив, чрезвычайно затруднено отсутствием документального исторического материала. Буддизм начал проникать в Японию, согласно китайским и корейским источникам, еще в III веке н. э. Однако и уровень и направленность японской социально-политической и культурной жизни в последующие три столетия никак не свидетельствуют о каких-либо серьезных последствиях этого первого соприкосновения с буддийской религией. Кроме того, известно, что еще задолго до принятия буддизма корейские и китайские эмигранты осели на Японских островах. Это были в основном ремесленники, которые, вероятно, старались содействовать распространению новой религии. Известную роль в знакомстве с буддизмом могла сыграть и японская колония в Корее — Мимана.

Наконец, совсем незадолго до официального признания «трех сокровищ»¹, в 522 году в Ямато

(древнее название Японии) появился известный миссионер из Восточного Китая Сибя Тахито. В будущем его род дал видных буддийских священнослужителей, а в это время он стал во главе нового движения, начатого, как мы выше отметили, эмигрантами.

Следует еще упомянуть, что в 552 году ко двору императора Киммея, внуком которого был знаменитый принц Сётоку, прибыла корейская делегация из княжества Кидара. Трудно представить, какое впечатление должна была произвести эта дипломатическая миссия, сопровождаемая буддийскими священниками, на восприимчивых японцев, чтобы спустя несколько лет они с таким же упорством начали овладевать таинствами новой религии, с каким в XIX—XX веках вошли в эру технического прогресса.

Для того чтобы оценить хотя бы приближительно вклад, который внесла в жизнь Страны восходящего солнца новая религия, стоит бросить пусть самый беглый взгляд на ту Японию, какой она могла предстать перед глазами первых буддийских монахов, прибывших туда в V—VI веках н. э. В Ямато в это время, как, впрочем, почти во всех странах Азии, существовало так называемое раннеклассовое общество. Жизнь этого общества отличалась переплетением нескольких укладов, основывавшихся на плетении примитивного натурального хозяйства и являвшихся основой только начинавшего развиваться феодального государства. Но несмотря на то, что государственная система находилась в зачаточном состоянии, страна переживала период ломки и внутренней борьбы. И действительно, появившиеся рабы, зависимые крестьяне и постепенно набирающая силы родовая аристократия, выдвинувшая из своих рядов представителя наследственной обожествленной власти — императора, постепенное разделение городов, отделение ремесла — все это уже в основе меняло Японию древнего периода Дзимму-Тенно².

Этому раннеклассовому обществу вполне соответствовала синтоистская мифология. Синтоизм, известный историкам по хроникам «Кодзики» и «Нихонсёки», представляется нам как клановый политеизм с удивительно сильным чувством природы и красоты и в то же время замкнуто устремленным в себя, с очень развитыми тенденциями будущей «национальной» религии.

На основе обожествления природных стихий начали возникать клановые тотемистические культы семейно-родовых духов и богов-покровителей —

¹ «Тремя сокровищами» буддийской религии по традиции считаются Будда, учение (дхарма) и община (сангха).

² Дзимму-Тенно — полупоупендарный первый японский император, по преданию — потомок богини Аматерасу, живший якобы в VI веке до н. э.

«ками». Появляются фетиши духов и избранные места их почитания, а также первые жрецы — гадалы, заклинатели, маги. Но «путь богов» (так называлась религия синто) к описываемому времени уже не мог удовлетворить потребности начинавшего быстро развиваться государства. Это, однако, отнюдь не отрицает того, что синтоизм уже с самого раннего периода буддизма и вплоть до нового времени оказывал на него сильное влияние, питал его своими соками и часто разбавлял его почти безысходный пессимизм своими эстетическими эмоциями.

К полученной картине необходимо прибавить еще дополнительный штрих, который имеет самое прямое отношение к интересующим нас событиям. В IV—V веках неизвестные обстоятельства — скорее всего, естественная тенденция к контактам, вызванная исторической необходимостью и потребностями молодой экономики и культуры, — побудили страну Ямато завязать отношения с прибрежными корейскими королевствами и Китаем. Выше мы уже упомянули корейских и китайских эмигрантов. Вместе с ними приблизительно в это же время на Японские острова начали проникать конфуцианские идеи. Они не могли не получить отклика в стране, только начинающей строить свою государственность и упорядочивать социальные связи. Поэтому, с одной стороны конфуцианство должно было содействовать укреплению императорской и феодальной власти, а с другой — сохранять традиции родового очага, консервировать клановый уклад жизни.

Согласно японским источникам, первые конфуцианцы (или, как их называли в то время, «историки» — они причисляли большое участие в составлении династийно-генеалогических записей) появились уже в V веке н. э. в качестве писцов, толкователей и ученых при императорах Ритю и Юряку. Потребность в них становится вполне понятной, если учесть, что культурный уровень японцев того времени никак еще не мог удовлетворить, хотя бы частично, появившихся и растущих культурных потребностей страны, так что к приезду посланников князя Кидары уже вполне могли сложиться некоторые традиции, благодаря которым идеи послушания родителям и почитания предков могли найти для себя благоприятную почву, что облегчалось их близостью с некоторыми синтоистскими представлениями.

Полной противоположностью конфуцианству был даосизм — специфически дальневосточное мировоззрение. Учение Чжуан-цзы вполне могло импонировать японскому природному философскому скепсису, а этические положения даосизма должны были оказать сильное влияние на систему дзэн. Не исключено также влияние традиционно китайской инь-янской системы, где-то напоминающей синтоистский культ стихий.

Несколько забегаая вперед, заметим, что буддийские священные книги из Китая были первыми книгами, появившимися в Японии.

Сразу же по прибытии корейского посольства при дворе разгорелась борьба. Впечатление, произведенное новой религией, было настолько сильным, что высшие круги предстали перед альтернативой: или принять ее, что казалось весьма соблазнительным в обстановке культурного варварства и необходимости обновления социальных отношений, или же остаться верными синтоистским традициям, которые являлись олицетворением консерватизма. Исторически эта ломка духовной жизни страны выразилась в борьбе клана Сога против старого жреческого рода Накатоми (потомки которого, кстати сказать, стали ревностными буддистами) и клана Мононобе.

Представители клана Сога — первые японские администраторы и дипломаты — трезво оценивали перспективы развития страны и ориентировались на централизацию и бюрократизацию внутри и расширение торгово-культурных связей за пределами Ямато. Партия Сога получила дополнительные козыри в виде наплыва миссионеров, впечатляющих реликвий, китайской медицины, книг, произведений искусства. Вполне понятно, что и народ не мог не чувствовать, хотя бы в самой поверхностной форме, той новизны, которая давала себя знать везде, заставляла призадуматься над авторитетами местных божков.

Нельзя не отметить и умелую политику самого буддийского духовенства. Уже в это время благодаря тому новому, что оно пускало в ход, и интригам в его руках были крупные средства.

Одержавшие победу Сога посадили на трон свою родственницу императрицу Суйко. Реальная же власть принадлежала регенту Умаядо. При нем буддийская партия не только укрепилась, но и смогла оказать решающее влияние на дальнейшую историю страны.

Первым действием нового правителя было строительство знаменитой пагоды Хорюдзи в 607 году, а в 623 году в стране было уже 46 буддийских пагод. Позднее принц Сётоку выразил тенденцию к централизации японского государства, которое было уже подготовлено к этому. Понятно, что молодое государство нуждалось в образце, который бы наглядно показал преимущества этой системы. Таким образцом стала Суйская империя в Китае с ее разветвленным аппаратом и всячески поддерживавшей его конфуцианской идеологией. Разумеется, для этой цели надо было ознакомиться с самой китайской культурой, и, подобно тому как в 552 году в Ямато прибыло посольство из Кидары, при Сётоку отправилась в Китай большая делегация ученых, среди которых было много буддийских монахов, для изучения литературы, медицины, философии и религии.

В этой миссии, отправившейся на континент в 609 году, был потомок императора Сеан и некий Такумуку Куромаса — сторонники конфуцианства. С них же началось еще более интенсивное проникновение китайской образованности.

В качестве конкретных примеров китайского влияния на политическую систему страны стоит указать на нововведения в административном устройстве, возникновение надельной и налоговой системы, новую организацию бюрократической иерархии и придворного этикета, не говоря уже о все более широком распространении «благородного» китайского языка и конфуцианского воспитания в аристократических слоях общества.

Результатом этой поездки были знаменитые «Семнадцать статей» Сётоку, значительное место в которых занимали моральные заповеди — своеобразный конгломерат буддийских, конфуцианских и синтоистских принципов. Заметим, что этот конгломерат в будущем определит основы японской культуры. Во втором послании (статье) говорится: «Почитайте три сокровища — Будду, закон и святую общину, так как они являются высшим объектом почитания во всех государствах». Ясно, что при такой поддержке сверху буддизм очень быстро завоевал командные высоты в стране, став главным центром религиозной, просветительской и филантропической деятельности.

Новая религия оказала сильнейшее влияние на всю политическую жизнь страны. Сама организа-

ция ее культа выступала для правящих классов как воплощение единства и дисциплины.

Менялся духовный и культурный облик страны. При императоре Тэмму (674—686) был создан первый японский университет, где изучался буддизм и конфуцианство. Начинает возникать очень своеобразная, специфически японская, поэзия настроения. В некоторых ее произведениях звучат чисто буддийские ноты скорби по поводу быстротечности и безысходности всего бытия, осознание мгновенности, фрагментарности жизни.

*Как непрочен этот мир,
в нем надежды людям нет...
Множество вещей
Заполняют эту жизнь
И теснятся на бегу,
Чтобы вновь спешить вперед.*

*Ах, неприступным, вечным, как скала,
Хотелось бы мне в жизни этой быть!
Но тщетно все.
Жизнь эта такова,
Что мы не в силах ее бег остановить!*
(Перевод с японского А. Е. Глускиной)

В этом стихотворении народного поэта Яманоз Окура (659—733), которое так и называется «Поэма сожаления о быстротечности жизни», выражен совершенно неизвестный ранее подход к судьбе и самому существованию человека и мира.

В низших слоях общества новые идеи преломились в духах смерти и разрушения, которые смело вошли в старый синтоистский пантеон, а сама форма мировоззрения сект, придерживавшихся поклонения будде, носит характер явного смешения буддийских и синтоистских элементов. Таким образом, народная фантазия смогла до сегодняшнего дня вполне совместить поклонение обеим религиям, исповедуя радостные праздники синтоизма и отдавая погребальные обряды на откуп буддийским священникам.

Но и сам буддизм не остался без изменений. Его храмы вынуждены были отвести места для духов «Ками». В этом сказалась вообще приспособленческая традиция религии «трех сокровищ», да кроме того, такие уступки были вынужденными в борьбе за духовное господство.

В VII—VIII веках начинается новый период в истории японского буддизма — период образования сект. В 625 году корейским монахом Экканом были созданы секты дзедзицу и санрой; в 653 году уже японский проповедник Досе, правда, тоже по возвращении из Кореи, основал секту хоссо, известную своеобразной интерпретацией буддийского учения. В VIII столетии китайские миссионеры образуют еще две, впоследствии значительные, секты: кэгон (739 год) и рицу (754 год).

В IX веке оформились такие направления религиозно-философской мысли, как тэндай и сингон, обновившие и мировоззренческую и культовую сторону веры. Но они так же, как и творчество первого крупного мыслителя Японии Кукая (774—835), создавшего эклектическую систему метафизики, религиозного созерцания, этики, ритуала и переработки трактатов и сутр, относятся уже к новому, хэйанскому периоду.

Буддизм пришел в Японию, когда старые верования утратили свое значение и классовые интересы японских феодалов требовали новых, более эффективных и универсальных средств духовного порабощения социальных низов. В эпоху упрочения

Народы Океании

Новая постоянная выставка «Народы Пасифики» в Американском музее естественной истории (Нью-Йорк) открылась в мае 1971 года. Расположенная в огромном зале, выставка посвящена жизни, быту, традициям и культуре коренного населения островов Тихого океана и Австралии.

Экспозиция составлена из коллекций, собранных во время научных экспедиций и отдельными любителями. Предметы древней культуры народов разных районов — от Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге Тихого океана, от Индонезии и Австралии на западе до острова Пасхи на востоке — соседствуют с вещами, изготовленными островитянами в наши дни.

Устроители выставки — профессор Маргрет Мид и художник Престон Мак-Клейнхэн (они готовили выставку 10 лет) — задались трудной задачей. Им хотелось не просто ознакомить посетителей с особенностями жизни и культуры жителей Океании, но и дать каждому из них возможность окунуться в самую атмосферу тропических островов, насладиться ощущениями морского простора и свежести.

Знакомясь с жизнью аборигенов Австралии, глядя на танец девушек острова Бали или воинственные пляски новогвинейских папуасов, переходя к диарамам, изображающим самоанскую деревню или флотилию каноэ у Адмиралтейских островов, любуясь костюмами филиппинского воина или жителя островов Гилберта, стоя у огромной фигуры таитянского божества Тики или возле статуи Длинноухого с острова Пасхи, посетитель музея слышит манящий шум волн и рокот прибоя, разбивающегося о рифы, внимает несложным ритмам новогвинейского танца, полифоническим, многоголосым песням новозеландских маори.

Музыка и «голос» моря записаны на пленку. Ощущение солнечного простора создается благодаря освещению и особо сконструированным мозаичным полам и потолку, умелому использованию в оформлении пластика и плексигласа.

С. СТЕПАНЬЯНЦ

феодалных отношений в стране буддизм стал мощным средством идеологического воздействия и сохранил свое влияние на протяжении ряда столетий. На примере распространения буддизма в Японии подтверждается высказанная Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» мысль о том, что великие исторические повороты сопровождались переменами в религии, лишь поскольку речь идет о трех донныне существующих мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе.